

Предисловие

Жизнь Андрея Прохорова была сказкой на зависть многим. Но от того и страшнее оказалась боль утраты. Практически в одночасье он потерял любимых родителей и веру в будущее, так как врачи диагностировали у него неизлечимое заболевание.

Запустился таймер обратного отсчета. Всего несколько лет — и финиш.

Однако судьба — знатная шутница. Сурово «обломав», она поманила его красным флажком надежды, сведя с профессором, одержимым «машинной времени». Зацепившись за этот шанс прожить полноценную жизнь «не тут, так там», Андрей начал готовиться к путешествию в прошлое. В кого именно он попадет, было совершенно не ясно, поэтому подготовка носила достаточно широкий характер — от плетения корзин до конной выездки и сабельного боя. Благо что денег на все это хватало с лихвой.

И вот — отправка.

Момент истины!

И удача!

Он оказался в теле хоть и сироты, но бедного помещного дворянина из Тулы, а на дворе вяло протекало лето 1552 года. Что на фоне ожиданий ремесленной, крестьянской или даже холопской судьбы выглядело как сказочное везение. Однако попал Андрей отнюдь не в сказку...

Да, мир не без добрых людей. Но, как правило, нужно годами ходить и бить половником в кастрюлю, чтобы их встретить. Коннор и Мёрфи МакМанусы, правда, утверждали, что если привязать на веревочку ящик пива и протащить его по Южному Бостону, то шансы резко увеличатся. Но это не точно. А почему? А потому, что основная масса людей преследует свои, и только свои интересы.

Поэтому, как только Андрей начал стараться, крутиться и пытаться освоиться, сразу появились разного рода доброхоты паразитарного толка. И чем больше ресурсов он добывал, тем наглее его пытались ограбить и использовать. Свои же. Самой собой, под соусом утверждения добра, света, справедливости и прочих сказочных идеалов.

Закончилось все тем, что он сорвался и в поединке убил уважаемого человека, нагло пытавшегося «поставить его на деньги». Конфликт к этому моменту уже достиг достаточно серьезного накала и ушел наверх, добравшись до митрополита и самого царя. Ведь из-за парня произошли волнения в Туле — важнейшем пограничном городе, высту-

пающем щитом Руси от степи. Да и другие нюансы его деятельности всплыли.

Так или иначе, но этот клубок противоречий разрешился в конце весны 1553 года. Причем относительно мирно. Его поженили на дочери убиенного им Петра — Марфе, которая оказалась такой же «попаданкой», как и он сам, хуже того, его знакомой по прошлой жизни — студенткой Алисой. То ли запасным вариантом для профессора, то ли его первой «жертвой» для отправки в прошлое, от которой он по какой-то причине отказался. Не ясно. Да и неважно. Главное — родственная душа в этом мире мрачного прошлого, где, как отдельные идеалисты любят утверждать, все было лучше, деревья выше, трава же настолько зеленая, что ее даже солдатам подкрашивать не требовалось...

А потом парня поверстали в поместные дворяне. Само собой, ожидаемо обманув и нарезав опустошенное татарами отцовское поместье. Вместо того чтобы отдать ему обещанное старое держание Петра с тремя дюжинами крестьян. И ладно бы это — так еще и холопов, выставленных им, не признали боевыми по совершенно надуманному поводу. Мерзко. Неприятно. Тошно. Но верстание на государеву службу получилось. А значит, программу минимум он выполнил и обрел статус поместного дворянина, то есть получил личное дворянство, пробившись в категорию аристократов.

На первый взгляд — это ничто для большинства читателей в XXI веке. Но для жителя XVI века пропасть между аристократом, пусть и настолько мелким, и остальным населением была невероятной в плане статуса, возможностей, социальной защищенности и перспектив. Грубо говоря, человеком ты становился только после того, как обретал этот или более высокий статус.

Казалось бы, успех. Живи и радуйся. Однако история его приключений только начиналась...

Пролог

1553 год, 5 июня,

поместье Андрея на реке Шат

ы чего творишь?! — крикнул Андрей, перехватив руку Евдокии с хворостинкой.

— Она... — попыталась было что-то ответить теща.

— ОНА МОЯ ЖЕНА! — рывкнул парень, перебивая. — Поняла?

— Да, — кивнула она, исподлобья зыркнув на зятя.

— А узнаю, что пакости чинишь — сам тебя выпорю!

— Ты не понимаешь? Тебя же засмеют! — воскликнула Евдокия. — Вон как эта клуша на тебе сидит, свесив ножки! Прикидывается безрукой! Разве я этому ее учила? А ведь она еще год назад была загляденье! Диво какая была работящая!

— То дело мое!

— Я же добра тебе желаю!

— Все одно — это мое дело. Моя жена. Мое право. Пожелаю наказать — накажу. Или тебе жить надоело?

— Опять угрожаешь? Теще! Как тебе не стыдно?! — упершись руками в бока, с презрением произнесла вдова Петра.

— Да ты, я гляжу, умом совсем не богатая! — про-
рычал Андрей. — Ты ее сколько порешь? Год?

— Так, — нехотя кивнула Евдокия.

— И за это время ничего не поменялось. Верно?

— Ну почему? Она...

— Она стала делать поручаемые ей дела так же
хорошо, как и два года назад? Да или нет? — пере-
бил ее Андрей.

— Нет.

— Отсюда какой вывод?

— Что?

— О боже, Евдокия! Из того, что ты ее дубасишь
год и нет никакого толка, можно много чего по-
нять. Прежде всего то, что ни один человек, каким
бы упрямым ни был, просто так терпеть боль не
станет. И если бы она капризничала, то давно бы
уступила и вернулась к делам. Разумеешь?

— Разумею, — нехотя кивнула она.

— А теперь второе, но куда более важное. То, что
Марфа не сломалась за год побоев, говорит о том,
что жить тебе осталось всего ничего. И если бы я ее
в жены не взял, то она бы вас сморила к чертям
собачьим. Или сожгла. Сама бы погибла, но и вам
за унижение отомстила.

— Я... я даже подумать не могла...

— А ты попробуй думать. Говорят — помогает
жить. Я бы на ее месте сорвался через пару месяцев
побоев. А она держится. Видно, любит тебя, дуру.
Мать же. А ты чего творишь?! С ума пялишь? Тебе
кто ту дурь в голову втемяшил?

— Батя, — холодно и как-то отрешенно произнесла Марфа. — Это он велел меня выпороть, когда я опару первый раз испортила.

— Понятно.

— Что понятно? — напряженно переспросила Евдокия.

— То, что вас кто-то сморить хотел. Али Петр раньше такое непотребство творил? Али тебе что разум застило так ранее? Явно же что помешательство какое-то. Сглазили, прокляли, порчу навели или еще что. Здесь я и гадать не возьмусь. Так что, дурия твоя башка, Марфа не притворяется. Она действительно не могла и не умела. Ее кто-то поразил злокозненно. И ты ее весь этот год зря била. Ей нужна была твоя поддержка. Ей требовалась твоя помощь. Она нуждалась в том, чтобы ее обучали словно ребенка. А ты? Мамаша...

— Прости! — как-то надрывно воскликнула Евдокия. Но Марфа лишь отвернулась. — Но кто?! Кто это сделал?! — спросила она у Андрея.

— Сам бы хотел знать. Меня ведь тоже эти козни зацепили... — буркнул парень, уводя Марфу в землянку...

Очередной этап циркового представления завершился. И парень помог местным жителям правильно понять то, что не имело объяснения в их глазах. Строго в рамках разумения их не шибко могучего кругозора. Он бы и рад признаться, что они с Марфой — гости из будущего. Но не может. Сознание местных жителей попросту не готово к тому, чтобы

адекватно эту информацию воспринять. Тем более у Евдокии. Ведь получалось, что Алиса ее дочке погубила бессмертную душу. Демон — не иначе. Да и он сам не лучше. Вот и выкручивался как мог. А давать Евдокии и окружающим объяснение требовалось. Иначе беда...

Несмотря на изрядную натяжку при верстании на службу и прочие перегибы, Андрея не стали сразу «брать в оборот». То есть отправлять в дальнюю полковую службу. Поэтому ему позволили ехать к себе в поместье и «принимать хозяйство». Все-таки с этого пустого, разоренного поместья ему как-то жить.

Понятное дело — независимый паренек никому был не нужен в руководстве служилого города. Но определенные правила игры все равно требовалось соблюдать. Тем более что какой-то особой нужды в «подъеме» его для полковой службы не имелось.

Да и чего им опасаться?

С пустого поместья много ли урожая можно собрать? Когда у тебя нет крестьян, чтобы его засеять, а потом пожать. Тем более что все сроки посевной все одно профуканы. Поэтому отправка Андрея в полковую службу всеми бы была рассмотрена как попытка собрать сметану на говне. А отдельными личностями так и вообще — как опасения, дескать, мальчишку испугались. Вот и смилостивились.

Андрею этот настрой был только на руку.

Кроме того, он словно бы всем своим существом ощущал угрозу. Не должен он был в этом конфлик-

ПОМЕЩИК. НОВИК

те с Петром побеждать. Во всяком случае сам. Не по Сеньке шапка. А значит, что? Значит, его попытаются обломать и подчинить. Да круче прежнего. Чтобы понял свое место.

Вопрос только: кто, как и когда?

Хуже того, где-то там, на горизонте, маячили царь с митрополитом. Нужен он им или нет — бог весть. Но последний год показал — они не так далеко, как кажется. И любой из них может вмешаться в твою жизнь в самый неподходящий момент...

Часть 1

ДОМ ВОЛКА

- Деньги лучше, чем журавль в небе.
- Не нравится — не ешь, а поперек батьки не лезь.
- Слушай, надо купить тебе сборник пословиц или что-то типа того, пора завязывать на хрен с этой путаницей.

К/ф «Святые из Бундока»

Глава 1

1553 год, 6 июня, Москва

Поздний вечер. По темной улице, освещенной только лишь выступающим из-за облаков месяцем, шел неприметный человек. Мужчина. Во всяком случае, об этом говорила его походка и пропорции тела.

Он шел неспешно. Старательно избегая так или иначе освещенных мест. Стараясь не вылезать из густых теней ночного мрака.

Иногда ему навстречу выходили запоздавшие прохожие. Местами пьяные. Но он раз за разом

уклонялся от лишнего общения с ними. Просто молча наклонял голову вниз и шел скорее мимо, даже если те что-то у него спрашивали. Или же стоял в стороне, не шевелясь, давая им спокойно пройти. Когда же видел компанию, то отступал в переулок. Вроде как сворачивал. Ему явно не хотелось общения с окружающими. Поэтому если бы за ним наблюдал кто-то со стороны, то удивился бы, когда он подошел к не самой популярной корчме на окраине города и уселся на лавочку подле нее.

Минут через пять из тени с другой стороны от корчмы вышел другой неприметный человек. И сел на лавочку рядом.

Несколько секунд тишины и покоя, пока новый гость не предложил первому незнакомцу какой-то кувшинчик.

— Не хочешь? Зря.

Немного помолчали.

— Слышал, что у тебя есть ко мне дело. Не обманули?

— Не обманули. В Туле живет паренек. Зовут Андреем сыном Прохора. Его там все знают.

— Тебе нужна его голова?

— Да. Но живой.

— Живой? Проснулось человеколюбие на старости лет?

— Не твое дело! — огрызнулся первый незнакомец.

— Мое.

— ЧТО?!

— Ты даешь опасное задание. Обычно тебе хватало простой головы. А теперь что? А если он сбежит? А если болтать станет, когда ты его отпустишь? Я с живыми людьми работать не люблю. Чревато это. С мертвыми головами как-то спокойнее.

— Он нужен мне живым, — упрямо произнес первый незнакомец. — О том, что болтать станет, — не беспокойся. Попадет ко мне, света белого больше не увидит.

— Что-то тебе сделал дурное?

— Ты задаешь слишком много вопросов.

— Я должен понимать, на что ты меня подбиваешь. Может, избавиться от меня захотел?

— Если бы я захотел от тебя избавиться, то ты бы давно лежал в канаве с перерезанным горлом. Разговаривать с тобой для этого совсем не обязательно.

— Ясно, — усмехнулся второй незнакомец. — К чему я должен быть готов?

— Паренек хорошо пластует саблей.

— Насколько хорошо?

— Опытного помещного дворянина расписал как ребенка.

— Нрав?

— Дикий. Что твой волк.

— Ты уверен, что тебе нужен он живым?

— Ты глухой?

— Сколько?

— Сто.

— СКОЛЬКО?! — ахнул второй незнакомец.

— Сто. Если убьешь всех, кого найдешь возле него, — сто двадцать. Плюс у него еще возьмешь сколько-то. Бронька его с мисюркой рублей на десять потянет. Сабля у него добра — еще дюжины полторы, может, две. Монетами у него точно больше десяти рублей имелось. Точнее не скажу. Но то — сверху. А моя цена уже сказана.

— Ты никогда столько не платил.

— Я никогда его и не заказывал.

— Его будут искать?

— Я бы не советовал тебе его всем встречным показывать. Связал. Сунул кляп в рот. И положил под сено на дроги. Так тебе самому будет проще.

Помолчали.

— По рукам?

— Полторы сотни.

— ЧТО?!

— Полторы сотни, — повторил второй незнакомец. — Причем вперед.

— Вперед? Обмануть меня вздумал?!

— Чуйка моя говорит, что дело это пахнет дурно. Так что рисковать попусту не хочу.

— А чего дурного? Он простой поместный дворянин с окраины.

— Ты смотри сам, — пожал плечами второй незнакомец. — Я свою цену назвал. Ты знаешь, я человек слова. Обещал — значит, сделаю.

— Ты ведь понимаешь, с кем дело имеешь?

— Сколько у него людей? — проигнорировав угрозу собеседника, спросил второй незнакомец.

— Там два послужильца из холопов. И сколько-то простых обывателей. Крестьян да ремесленников. Даже нищий один есть. Но не хочу тебя обнадеживать. В прошлом году людей у него было меньше, и он имел дело с разбойниками. С дюжиной. Так из них, сказывают, только трое сумели ноги унести.

— Совсем юный паренек?

— Верно. Молокосос. Новиком поверстали.

— И где же это юный поместный дворянин так с сабелькой поднаторел? Они ведь как вылупятся — ни черта не умеют. Только на службе, в походах и осваивают. Особенно добро выходит у тех, кто на береговую службу ходит. Но туляки вроде бы от сего избавлены. Они за берегом. Считай, круглый год тетешкаются с татарами. Так что... не понимаю... Не может быть, чтобы молокосос столь искусно наловчился...

— Сам голову ломаю. Но с сабелькой ты с ним не сходишь, если предложит. Мню, что он мог душу дьяволу продать.

— Так чего открыто не возьмете?

Первый незнакомец повернулся к своему визави и остро взглянул на него. Но говорить ничего не стал.

— Нельзя?

— Нельзя.

— Ты точно смерти моей хочешь, — покачал головой второй незнакомец. — Брать живым характерника¹ — гиблое дело.

— Не придумывай сказок. Я тебе не говорил, что он колдун.

— Земля слухами полнится. Ныне только ленивый не слышал о буче в Туле. И о том, что там какой-то паренек расписал матерого супостата.

— Что еще болтают?

— Что паренек этот сговорился с лешаком, и теперь волки стерегут его жилище.

— Вздор!

— Вздор или нет, но так говорят, — пожал плечами второй незнакомец. — А по пьяни он на каком-то непонятном языке говорил. И не на одном.

— То мне ведомо. Что-то еще?

— Я не хочу с ним связываться. Если бы ты его голову заказал — сошлись бы. А живым? Не хочу. Чуйка моя сказывает — держаться надо от него подальше.

— Испугался паренька?

— А ты сходился когда-нибудь с колдунами в бою?

— Бывало.

— И даже чиряка на жопе не вскочило?

— Всевышний оберегает меня за крепость веры.

— Моя вера не так крепка. И я чую большие неприятности. Да и мои люди вряд ли захотят с ним связываться. Так что...

¹ Характерник — название воина-колдуна в казачьей культуре. Начало бытование в XV веке и в XVI веке уже как понятие было известно в соседних регионах.

— Хорошо, — после недолгой паузы произнес первый незнакомец. — Сто пятьдесят рублей вперед. И еще полсотни сверху по завершении дела. Если всех видаков вырежете, а его живым доставите. И желательно целым.

— Завтра тут же буду ждать деньги. В это же время.

— Но если обманешь...

— Не пугай, — усмехнулся второй незнакомец. — Пуганый. Кто на дыбе не висел, тот жизни не видел.

— Поверь, дыба тебе покажется мелким неудобством, если в этом деле ты меня подведешь. А сбежишь? Так не беда. Найдем. Где угодно найдем. Сам знаешь — рука у нас длинная.

— Знаю... — ответил второй незнакомец.

Первый молча кивнул. И, не прощаясь, ушел.

Второй же еще долго сидел и думал.

Заказ этот ему не нравился чуть более чем полностью.

Работенка у него была непростая, и жизнь заставила научиться доверять своей чуйке и слушать, что люди говорят. А не говорили они ничего хорошего. Слишком уж много всего непонятного было вокруг этого паренька из Тулы.

Ему сказывали, что начиналось все заурядно. Будто бы щенок — отпрыск помещного дворянина, оказался один, потеряв отца. Его тут же взяли в оборот. Чего добру пропадать? Попытались. Но лучше бы они его не трогали. Потому что малец оказался явно тем говном, к которому лучше даже не подходить, чтобы не задохнуться от вони.

Это было странным.

До крайности необычным и странным.

Еще более странным и мутным выглядело поведение заказчика. Раньше он никогда не обращался к нему с такими делами. Голову какому купчишке отрезать или село заигравшееся припугнуть. Ничего особого. И платил за работу куда как меньше. Да еще торговался с отчаянием обреченного, готовый за каждую полушку удавиться.

А тут что?

Сам сто рублей предложил.

Это было ОЧЕНЬ много. Подозрительно много.

Еще подозрительнее выглядело легкое согласие на увеличение цены до ста пятидесяти. Если заказчик не пообещал бы выдать эти деньги авансом, было бы совершенно ясно — он решил их тоже пустить под нож. После дела. Сейчас же — непонятно.

«Света белого не увидит...» — мысленно, про себя, усмехнулся незнакомец. Такие обещания его всегда забавляли. Потому что редко соответствовали действительности. Поэтому-то он и не связывался с похищением людей. Хотя дело доходное. Украсть двух-трех смазливых юниц да продать татарам. Что может быть проще? Ан нет. Девочки могут вернуться. Через выкуп или еще как. Не все. Не всегда. Но эти возвращающиеся несли за собой смерть. Ибо Разбойный приказ редкий раз на дыбе кого-то из-за похищений не подвешивал. Для вдумчивого и насыщенного общения, разумеется. А мертвецы лишнего не скажут. Даже если очень захотят.

В этом же деле — он был уверен — все не так, как кажется. Ведь, как ему говорили, в Туле крутились люди царя. И что с одним из них этот паренек даже пил. К чему бы это? К дождю или к плахе примета? Людей царя он убивал. Мелких сошек. Изредка. Но тут явно дело пахло дурно...

Одна его сторона радовалась и буквально ликовала. Сто пятьдесят рублей! Да еще полсотни после дела. Плюс «улов» с усадьбы этого юного помещика минимум рублей на двадцать. Большие деньги! Огромные для людей его полета!

Другая же его сторона откровенно паниковала. Ему в этом заказе не нравилось все. Вот буквально все. От того, кого и как «заказали», и заканчивая платой за дело. Эта неприлично большая сумма пугала ничуть не меньше, чем странный парень. Жизнь его научила тому, что жадные люди щедрыми не становятся. А если вот так сорят деньгами, значит, ты вскоре отдашь им больше или произойдет что-то намного хуже...

— Проклятие... — прошипел этот второй незнакомец и с раздражением отбросил горшочек, который, жалобно тренькнув, разбился.

— Даже не переживай, — произнес голос мужчины, вышедшего из темноты. — Примем плату в лучшем виде.

Он всегда брал с собой на встречи ребят, которые прикрывали его. А заодно слушали, что было крайне неприятно. Но за все нужно платить. И за безопасность тоже. Сейчас же эти «уши» оказались настолько не к месту, что незнакомец аж зубами

заскрипел. Ведь по всему выходило, что уже через час, край через два, все его ключевые подчиненные будут знать о заказе на две сотни рублей. Куш! Лишняя удача! Разве кто-то из них откажется?

Сплюнув с раздражением, он встал и уже несколькими секундами спустя растворился во мраке, зайдя за угол харчевни. Туда, куда не проливался из окон тусклый свет лучин.

Первый же незнакомец немного постоял поодаль. Подождал, пока эти лихие ребята уйдут. И отправился восвояси, все так же тщательно избегая встречных людей. Дело действительно было очень важным, и ему требовалось посмотреть на реакцию подчиненных этого бандита. Он их давно «спалил». И по большому счету, торговался только что на площади он не со своим собеседником, а с ними. Ибо лидер никогда не пойдет против желания стаи, на плечах которой стоит...

Глава 2

***1553 год, 6 июня,
поместье Андрея на реке Шат***

Маленькой землянки, которую возводил для себя Андрей минувшей осенью, теперь не хватало совершенно. Потому что по прошлому году их тут жило всего трое, а теперь — целая толпа.

Кроме самого Андрея с женой и тещей, людей хватало.

Вышеупомянутые Устинка и Егорка были парнем освобождены от холопского положения сразу после верстания в поместные дворяне. Он выехал на площадь и при скоплении людей объявил об их свободе. После чего вручил по пять рублей, обещанных им, и предложил взять свою судьбу в собственные руки. Однако эти ухари, как парень и предполагал, даже не дернулись и остались при нем. Только теперь уже на добровольных началах. Очень уж заинтересовала их перспектива выбиться в полноценные послужилыцы. Ведь если уходить, то в каком статусе? Крайне неопределенном, но однозначно низком.

Илья с женой Анфисой и двумя детьми также последовали за Андреем. Он посулил кузнецу две копейки¹ в день да кормление за счет нанимателя. Что было круто. В Москве в эти годы ремесленник получал от одной до двух копеек за рабочий день. Изредка больше. Бывало же, что и меньше или вообще ничего. А тут — стабильные две копейки плюс кормление. От такого предложения Илья не смог отказаться. Тем более что у парня он не подмасте-

¹ После денежной реформы Елены Глинской (матери Ивана IV) в Русском царстве была установлена следующая система. 1 рубль (68 г серебра) состоял из 100 копеек (новгородок) или 200 сабяниц (московок, денег) или 400 полушек. Рубль, как и алтын (3 копейки), был ходовой счетной единицей и не чеканился. Кроме этих монет бытовали по инерции и другие, вроде рязанок или тверских денег.

рьем должен был трудиться, а полноценным кузнецом.

Петр Рябой, подвизавшийся последние несколько лет нищим на паперти, приоделся и удивил многих. И осанку стали его замечать, и взгляд, и вообще — призадумались о том, кто же он такой. Но мужчина не болтал. Петр и Петр. Хотя парень и понимал — это имя псевдоним. В каком статусе он с Андреем поехал — сложно сказать. Но поехал. Потому что, как предполагал парень, был ценным приобретением. Матерые, побитые жизнью люди вообще крайне полезны, если понимать, как их использовать. Оставалось только решить этот загадочный ребус. Хотя, конечно, заставлять его таскать воду за кормление уже сейчас выглядело крайне сомнительной забавой.

Хромой плотник Игнат также присоединился к Андрею. Он повредил ногу в артельной работе и теперь не мог толком ходить. С костылем лазил. Но топором мал-мало владел. Сидя если. Годы у него были немалые. Родичей не осталось близких. Вот и перебивался как мог, едва ли не нищенствуя. Парень же положил ему московку в день и кормление за его счет. И он не стал кочевряжиться — для него это было невероятно щедрое предложение.

Еще он подобрал трех вдовушек. Крестьянок. После минувшего нашествия таких хватало. Для большинства — лишние рты и обуза. Ведь основная рабочая сила — крестьянин-мужик. А парню то и ладно — ему любые рабочие рукигодились. Тем

более что в его случае остро не хватало именно женщин, которые бы помогали по хозяйству. Да и плодить слишком уж концентрированный мужской коллектив — дурная затея. А тут — вдовушки. Какое-никакое, а решение.

Дополнительно он сговорился с двумя бобылями¹ о годе службы. Для начала. Кормление за счет парня. По окончании — рубль каждому на руки. Устинку и Егорку они знали, поэтому согласились. Понятно, что такие рабочие руки, как у них, многим быгодились. Но ребята не хотели сажаться на землю и привязываться к ней. Боялись. Ведь бобылям что? Татары появились на горизонте? Руки в ноги и деру. Земли с посевами да хаты у них нет. Держаться не за что. А практически все помещики в Тульской области после разорения прошлого года испытывали нужду только в одном — в рабочих руках на выданной им земле. И рассматривали каждого бобыля как потенциального крестьянина, планируя закрепить за ним землю. Андрей же предложил им простой контракт разнорабочих на год. Сразу пояснив, что у него посевных работ в этот период не будет. Их это устроило чуть более чем полностью...

Вот и выходило, что теперь в здешних краях должно было зимовать не три человека, а восемь мужчин, шесть женщин и девять детей в возрасте

¹ Б о б ы л ь — это крестьянин, не имеющий своего надела. Позже, с введением подушной подати, разница между бобылем и крестьянином смазалась. Поэтому этим словом стали называть крестьян-одиночек (холостых или разведенных).

от трех до семи лет. И это еще не предел. Андрей бы и больше набрал, да людей, увы, не было. После нашествия татар в них имелся острый дефицит. И работничков, особенно простых мужиков, разбировали в драку.

— Что, хозяин, сруб будем ставить? — довольно улыбнувшись, поинтересовался Устинка.

— Какой, к лешему, сруб? — нахмурился Андрей.

— А что? Как у бати твоего. А то и лучше. Вон нас сколько. Сдюжим. Ты даже не сомневайся.

— Тебя, видно, зима ничему не научила, — с сожалением покачал головой парень. — Вот придут снова разбойники. И что?

— Снова побьем, — уверенно произнес он.

— Вера в победу — это хорошо. А женщины? А дети? Ты про них подумал? А ведь они тоже тут. И нападение может быть внезапным.

— А волки? Они ведь всегда предупреждают.

— Волки могут уйти. Или перестать помогать. Тут не угадаешь. Поэтому ежели снова разбойники наведаются, то крови пустят массу. А ты спроси у них, — махнул Андрей на внимательно слушающих их разговор людей... его людей, — охота им умирать? Да еще так глупо.

— Верно! — крикнула одна из вдовушек. — У меня так родичей всех побили. Налетели разбойники — так, что никто и не ожидал. Детишек, что пригрела, — то не мои, а с краев моих. Моих-то сгубили. Не уследила. А этим сиротинушкам и идти некуда...

— Не начинай! — пресекла уже ее привычное причитание Евдокия. — Мы все о горе вашем знаем.

— Так что же делать? — почесал затылок Устинка с полным недоумением на лице.

— Как что? Заголять и бегать! — хохотнул парень. — Шучу. Крепость ставить будем.

— Да ты рехнулся, что ли? — с жалостью спросила Евдокия. — Как же мы крепость ставить станем? Нас тут три калеки, а работ — во! — развела она руками. — Да и из чего ее ставить? Из леса? Да ты хоть представляешь, СКОЛЬКО его надо? Из камня? Так это вообще глупость, ибо нету его у тебя. Из кирпича? То же самое.

— Из земли.

— Из чего?

— У нас сколько лопат? — спросил Андрей у Марфы.

— Четыре.

— А сколько нас? — задал новый вопрос парень.

Марфа же, услышав эту связку, расплылась в улыбке, ожидая, что ее супруг начнет перечислять Атоса, Портоса и Арамиса прямо в духе старой советской экранизации одного из романов Дюма.

— Нас больше, — не понимая веселья Андрея и Марфы, ответил Петр Рябой.

— Четыре человека могут за день перекидывать десять и более кубов земли, — тихо произнес Андрей, стараясь отвлечься от шутливого настроения.

— Куб? Что сие?

— Мера объема, — не задумываясь, буркнул парень и продолжил: — Если вал ставить высотой в два моих роста и такой же шириной у основания, то на погонный метр такой стены как раз день и уйдет.

— Метр? — вновь удивились все вокруг.

— Половина сажени¹ примерно.

— Аршин, — вставила свои «две копейки» Марфа, вызвав еще больше удивления. Ведь получалось, что они с Андреем знали какие-то неведомые остальным меры. С чего это? Девушка смутилась и потупилась от этих пронзительных взглядов. Парень же добавил:

— Да. Примерно с аршин, только чуть побольше. На четверть.

— А мы о таких мерах и не слышали, — почесав затылок, произнесла одна из вдовушек, надеясь на пояснения.

— Вон, видите? — махнул парень рукой, старательно игнорируя совершенно излишние пояснения про метр и куб. — Отсюда досюда и вон там, а потом так, так и так. Земляной вал такой длины мы сумеем за месяц поставить. Может, даже быстрее. Игнат нам тут не поможет. А так — здесь у нас

¹ Сажень — древнерусская мера длины. В 1646 году была утверждена казенная сажень, равная 2,16 м. До того имелись варианты. Главное — не путать обычную сажень с маховой, косой, большой, морской, кадочной и прочими. Их было великое множество, а размер их варьировался в диапазоне от 1,5 до 2,8 метра. Так что указание Андрея на половину сажени имело достаточно размытый, но понятный масштаб.

семь здоровых мужей, которые смогут и по полной сажени в день вала отсыпать. Если по очереди и подменяя друг друга при усталости.

— А ты тоже будешь с нами лопатой махать? — удивился Микитко, один из бобылей.

— Разумеется. Это общее дело. Чем быстрее поставим, тем скорее обезопасим свою жизнь. Держать оборону в воротах всяко легче и вернее, чем бегать по округе.

Народ слегка загомонил, обсуждая.

Вариант с земляным валом им в голову не приходил. Ибо перед глазами их его не употребляли. Если Тулу брать, то кремль он имел каменный, а посад окружался дерево-земляным, рубленным укреплением.

Казалось бы, что может быть проще? У вас под носом дерево-земляные укрепления. Вот и проведите аналогию с земляным валом. Но нет. Не получилось. Связи не видели. Не считали, что земля может оказаться самостоятельным строительным материалом для укрепления. И ладно бы просто в голову такие мысли не заглядывали. Так нет. Парню потребовалось немало времени и очень много слов, чтобы убедить людей в своей правоте.

Зачем убеждать?

Так ведь они почти все были вольны уйти в любой момент. И находились рядом с Андреем только в силу доброй воли. И надежды на плодотворное взаимовыгодное сотрудничество. Исключая, пожалуй, Марфу и Евдокию, у тех выбора не имелось. Но

если они втроем остались бы, жизнь легче бы не оказалась вообще ни разу. Поэтому ему и требовалось убедить коллектив в том, что этот непрофильный для них вид труда нужен. Им самим в первую очередь. Просто для того, чтобы выжить.

Сначала он объяснял все и доказывал, что земляное укрепление можно построить в разумные сроки и малыми силами. Потом, что оно имеет смысл. Что-де оно поможет им отбиться, ежели что. И по новой. Потому что обязательно кто-то задавал глупый вопрос, ни черта, в общем-то, не понимая, и остальные обитатели поместья его подхватывали. Им, верно, понравилась эта игра. Обычно-то такого не практиковалось.

Так где-то часа два и продебатировали.

Андрей же все это время медленно закипал. А еще он всем своим существом уже к исходу этого срока ненавидел демократию. При деспотии-то как хорошо? Крикнул:

— Всем лежать! Полчаса!

И все легли.

Очень удобно.

А тут? Никто из этих людей ничего не смыслил в фортификации и военном деле. Ну, может быть, Петр Рябой. Только он помалкивал и лишь улыбался, наблюдая за этим цирковым номером. Так вот. Никто ничего не смыслил в обсуждаемом деле, но задавал вопросы и дебатировал с таким видом, будто бы имел как минимум степень доктора наук в профильной отрасли. Да еще щеки надувал...

А вот успокоились они все как-то разом и очень быстро. У Андрея от поднявшегося давления лопнули сосудики в глазах. Маленькие. Нестрашно и абсолютно безопасно. Но очень своевременно. Так как со стороны показалось, будто бы его глаза начали наливаться кровью.

Несмотря на чисто обезьяньи замашки поиздеваться над неопытным юнцом, чувство самосохранения у этих высших приматов было на уровне. Они отчетливо поняли, что дразнить вооруженного человека, у которого на твоих глазах «зенки» заливают кровью, а из ушей начинает идти пар, — отвратительная примета. Практически то же самое, что ехать ночью связанным в багажнике в ближайший лес.

Перепугалась даже Марфа.

И тут же оказалась рядом, чтобы объятиями да лаской отвлечь Андрея. Что удалось, как ни странно. Как и увлечь в землянку. Потому что выглядел парень ну совсем неадекватно. И она хорошо помнила о том, какая у него уже среди местных репутация. Так что получаса не прошло от скомканного завершения разговора, как они уже лежали на топчане обнаженными, сделав то, что должно...

Нехитрый прием, но действенный.

Во всяком случае, желание задушить в зародыше этот оплот демократии у Андрея прошло. Ну... в основном и в целом. Хотя поколотить особо глупых болтунов все одно пока хотелось.

— Что мы натворили... — тихо прошептал он минут через пять лежания в тишине.

— А что?

— Мы хотя бы пытались предохраняться? Что ты, что я... все как в тумане. Ты ведь залетишь по столь юному возрасту. А ты просила. Черт!

— Не переживай, — ласково произнесла она и прижалась к парню. — Здесь все так рожают. Я еще застоялась. Если не залететь, то вопросы пойдут.

— А твое тело?

— Что мое тело? Говорю же — здесь все так рожают. Ничего такого в этом нет. Все бабы вокруг о том только и говорят, желая нам детишек побольше. И сожалеют, что я слишком поздно замуж вышла.

— ЧЕГО?! — ошалел Андрей. — Поздно?!

— Не сравнивай с нашим временем. Здесь всё не так...

— Не всё... — повторил Андрей и с некоторым раздражением отвернулся от Марфы.

Он еще там, в XXI веке, заметил, что женщины очень склонны решать вопросы коллективно. Даже самые интимные и личные. Им нужно было с кем-то поделиться, обсудить, обдумать, проговорить и сообща принять решение. Даже замуж там, в XXI веке, многие девочки выходили только после консилиума с подругами.

Здесь же, судя по всему, выходило что-то похожее. И Алиса, вселившаяся в тело Марфы, оказавшись под влиянием местного женского коллектива, довольно резво адаптировалась к условиям среды. То есть принято так, значит, так и нужно. А их с Ан-

дреем договоренности? Ведь не он, а она их предложила...

— Ты обиделся?

— Я зол.

— Ну прости меня, — прошептала она как можно более томным голосом и нежно его поцеловала.

— У меня тут нет больше людей, с которыми я мог бы поговорить о прошлом, которым бы я мог довериться. А ты?

— А что я? — захлопала глазами Марфа.

— Ты не в курсе, какая тут смертность у рожениц?

— Да по-разному.

— Каждая восьмая умирает от родильной горячки. Это инфекционное заражение. И лечить его тут нечем. А у местных нет даже отдаленного представления о гигиене и прочих «глупостях». Они до второй половины XIX века лезли принимать роды грязными руками без всякой задней мысли. А первого врача, что предложил эти самые руки мыть, упекли в дурку¹. И это — только от родильной горячки. Хватает же и других причин.

¹ Речь идет о враче Игнаце Филиппе Земмельвейсе (1818–1865), который, заведя роддомом, установил, что дезинфекция рук радикально снижает смертность рожениц от родильной горячки. В 1858 году он начал открыто об этом говорить, стараясь привлечь внимание общественности. За что был подвергнут методичному осмеянию и травле. А в 1865 году обманом госпитализирован в психиатрическую лечебницу, где через две недели скончался от побоев, наносимых ему санитарями. Как вы понимаете, люди в былые времена более агрессивно и отчаянно выступали против мытья рук.

— Слушай, не нагнетай. Мне все равно придется это делать.

— Но ведь пока ты еще очень молода. Да и сама не хотела.

— Не хотела. Но...

— Что «но»?

— Я подумала и решила, что если и стоять рожать детей в этом аду, то пока тело молодо и сможет легче перенести все испытания.

— А почему придется? Мне казалось, что девчонки нашего поколения не рвутся в роддом.

— Да меня поедом бабы сожрут, если узнают, что бесплодная. А именно это и подумают, если в браке живу и детей нет. Хотя бы выкидышей. Ты не представляешь, как сурово и жестоко они относятся к таким. За год, проведенный тут, насмотрелась. Их проклятыми считают. А люд тут суеверный до крайности. Поэтому с такими бабами никто старается не только не знаться, но и даже рядом не стоять. На всякий случай.

— Что, глупости с приметой о стуле, на котором сидела беременная женщина¹, имеют такие глубокие корни?

— Еще какие. Так что... — развела она руками. — Тянуть с зачатием на самом деле не стоит. Пока еще молода, авось выживу. Чем старше, тем тяжелее. Медицины-то тут, как ты говоришь, нет. Вообще

¹ Даже в XXI веке среди женских коллективов бытует поверье, что, если сидеть на стуле, на котором сидела недавно ушедшая в декрет, это позволит быстрее забеременеть.